
БИБЛИОТЕКА
«ПРАВОСЛАВИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Зачем нужен духовник?

ИЗДАТЕЛЬСТВО
саратовской епархии
Саратов · 2009

ББК 86.372
З-39

*По благословению
епископа Саратовского и Вольского
ЛОНГИНА*

З-39 **Зачем нужен духовник?** — Саратов: Изда-
тельство Саратовской епархии, 2009. — 80 с.

ISBN 978-5-98599-066-9

В сборнике делается попытка ответить на самые распространенные вопросы о духовничестве: зачем нужен духовник, как его найти, в какой мере слушаться, какие сложности могут возникнуть во взаимоотношениях с духовником?

Архипастыри и пастыри, монашествующие и миряне рассуждают о проблемах, с которыми сталкиваются сегодня исповедующие и исповедующиеся, делятся своим опытом и воспоминаниями об известных духовниках XX столетия.

ББК 86.372

ISBN 978-5-98599-066-9 © Издательство Саратовской
епархии, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Можно ли быть верующим православным человеком в современном мире? Как научиться жить по-христиански? С чего начать свой путь к Богу и Церкви? У человека, серьезно задумавшегося о смысле своей жизни, неизбежно возникает множество вопросов, и ответы на них он ищет не только в храме, но и в книгах, в периодической печати, даже в Интернете. Думается, это не совсем верно: нельзя научиться духовной жизни «на расстоянии» или проводить ее теоретически, не участвуя в богослужении и таинствах Церкви. Но вот дать такому человеку верное направление, помочь ему разобраться, что же главное в церковной жизни, на что стоит обратить особое внимание в храме и в окружающем мире, — дело вполне реальное. Не менее важно стараться отвечать и на те вопросы, которые обязательно возникают у человека церковного по мере его «взросления». Именно такие задачи ставит перед собой редакция журнала «Православие и современность» и одноименного Интернет-портала.

Вопросы о том, зачем нужен духовник, как его найти, в какой мере слушаться, какие сложности возникают во взаимоотношениях с духовником, — из числа самых важных, основополагающих в духовной жизни. Можно даже сказать,

что для новонаначального христианина необходим курс «техники духовной безопасности», чтобы научиться умению отличать истинных пастырей от лжестарцев, которых сегодня немало (возникло даже такое понятие, как «младостарчество»). *По плодам их узнаете их* (Мф. 7, 16),— сказал Господь. «Плоды» безответственного или неправильно понятого «духовного руководства», к сожалению, бывают печальными: сломанные судьбы, разбитые семьи, утрата веры... И, наоборот, многих ошибок избегает тот, кому посчастливилось встретить рассудительного духовника: он способен научить своих пасомых жизни во Христе, потому что и сам живет в согласии с волей Божией.

Надеемся, что в нашем сборнике вы найдете ответы на самые распространенные вопросы о проблемах духовничества. Но если есть еще что-то, волнующее вас в связи с данной темой и чего не коснулись авторы сборника, спрашивайте: мы ждем вас в разделах «Вопрос Архиерею» и «Вопрос священнику» портала «Православие и современность» (www.eparhia-saratov.ru).

Архимандрит Алексей (Поликарпов)

ПРЕЖДЕ ВСЕГО НУЖНО БЫТЬ СЫНОМ ИЛИ ДЩЕРЬЮ ЦЕРКВИ

Духовник и духовное чадо — порой эти взаимоотношения складываются весьма непросто. Какую роль играет духовное руководство в жизни каждого христианина и каждый ли священник может стать духовником? Какова мера доверия духовного чада своему наставнику и мера ответственности пастыря перед пасомым? Существуют ли правила духовного окормления, следуя которым можно избежать «подводных камней» во взаимоотношениях духовника со своим чадом? И можно ли на трудном пути ко спасению вообще обойтись без наставника? На эти и другие вопросы отвечает известный духовник, наместник Свято-Данилова ставропигиального мужского монастыря города Москвы архимандрит Алексей (Поликарпов).

— Отец Алексей, какое можно было бы дать определение понятию «духовник»? Каково его значение в духовной жизни христианина?

— Обычно духовник — это священник, который советует, наставляет христианина на пути спасения. Он может просто совершить Таинство исповеди: исповедовался человек, Господь явил благодать Свою — простились ему грехи, — и они разошлись и, возможно, никогда больше и не встретятся друг с другом. Но может и такое быть, что священник исповедует его не один

раз, а регулярно и всю жизнь, или даже является духовным руководителем...

— А чем отличается роль духовного отца, духовного руководителя от роли духовника?

— И тот, и другой — «отец». Но духовный руководитель — это священник, который ведет человека по жизни, ведет через свое доброе наставничество. А совершается оно прежде всего через духовное послушание этого человека своему пастырю. Вот в этом случае он уже является духовным руководителем — духовным отцом.

Часто сейчас высказывается мысль — в качестве доброго совета — о том, что каждый христианин непременно должен иметь своего духовника, должен обязательно быть руководим кем-то. Но это очень тонкий вопрос, и к нему нужно подходить очень осторожно. Например, нередки случаи, когда руководить людей ко спасению берутся священники неопытные, когда вместо доброго плода рождается злой — тяжелые ошибки, которые могут серьезно повредить душам пасомых.

А, с другой стороны, можно столкнуться с людьми, которые с некоторым тщеславием, гордясь говорят о том, что «у нас такой-то духовник с таким-то именем, а мы-де его духовные чада». Звучит-то это, может быть, и красиво, но сумеют ли они, так превозносясь общением с опытным наставником, извлечь духовную пользу из этого общения. Ведь суть не в громких именах наставников, а в самой жизни и поступках наставляемых.

Мне запомнились слова отца Андроника, глинского схиархимандрита, завершившего свой земной путь в Тбилиси. Он говорил: «Кто меня

слушается, тот и мое чадо». Святые отцы говорят, что, задав духовнику какой-то вопрос и получив на него ответ, нужно непременно исполнить то, что он скажет, — исполнить данное благословение. Но мы не всегда готовы к этому, потому что не всегда ищем воли Божией, не всегда готовы иметь послушание. Иногда человек «просто» вопрошает. Им может двигать любопытство, или тщеславие, или еще что-то, но в таких случаях говорить, что человек имеет духовное окормление, конечно, нельзя.

— А послушание — это обязательное условие духовного окормления или без послушания нет окормления?

— Принцип духовной жизни таков: если к окормлению готовы и вопрошающий, и тот, кто отвечает, — то да, послушание — обязательное условие духовного окормления.

Но мы знаем о подобном духовном делании, о таких «высоких материях», в основном, из книг о древнем подвижничестве: читаем все много, особенно сейчас, когда, слава Богу, появилось большое количество духовной литературы. И, прочитав, иногда пытаемся подражать подвижникам, но получается не всегда умело. А ведь в каких-то случаях и не нужно этого делать. Например, взаимоотношения «духовник — чадо». В нынешние времена священник не может взять на себя руководство человеком в такой степени, как это было, допустим, в древних монастырях, когда ученик жил при старце и каждое слово, каждое движение согласовывались, каждый помысел исповедовался. И если мы стараемся применить

это в нашей жизни, то выходит подчас неуклюже, неловко, да и далеко не всегда полезно. А что практически возможно для нас: духовник дает какие-то общие советы — для назидания и даже не всегда, может быть, для исполнения; он может предлагать их в форме рекомендации, а чадо эти советы сопоставляет со своими жизненными обстоятельствами и, прилагая и свой духовный опыт и, как учат святые отцы, обязательно согласовывая все услышанное (да и всю свою духовную жизнь вообще) с Евангелием, смотрит, насколько для него этот совет выполним. И еще одно замечание: очень важно, чтобы и пастырь, и пасомый руководствовались любовью и искренним добрым расположением друг к другу.

Очень интересны в этом отношении письма отца Иоанна (Крестьянкина). Сейчас, благодаря публикуемой переписке, он для всех нас раскрывается еще больше — и для тех, кто знал его лично, и для тех, кто только слышал о нем, и даже для тех, кто лишь после его смерти познакомился с ним через книги и стал пользоваться его советами и наставлениями. И вот что надо отметить: его письма носят очень трезвый характер, в них нет никакой восторженности, но, напротив, весьма здравое отношение ко всему.

Если, положим, молодой человек (юноша или девушка) хочет стать монахом, жить в монастыре, то отец Иоанн, одобряя его стремление, тем не менее говорит и о том, что оно должно быть здраво, взвешенно. И к тому же еще добавляет, что обязательно надо учитывать, как относятся к такому намерению его родители. Мы подчас упускаем именно этот аспект: а как на подоб-

ный жизненный поворот реагирует семья? Особенно часто такие неожиданности случаются с людьми, которые обратились к вере недавно и считают, что идут вслед Христу, и причем на домашних своих — в худшем случае — смотрят как на врагов: «и враги человеку — домашние его» (Мф. 10, 36), а в лучшем — считают, что к их мнению прислушиваться необязательно.

— А мнение родителей необходимо учитывать, даже если они неверующие или нецерковные люди, не способные понять душевный порыв своего детища?

— Да, мы обязаны к ним прислушиваться, не должны через них «перешагивать» и этим поможем им, может, и не сразу, а через какое-то время принять и это смелое и неординарное для них решение. Если мы христиане, то через нас имя Божие должно прославляться, а не хулиться. Поэтому невозможно допустить, чтобы родители стали жертвами на духовном пути своих детей. Это, конечно, было бы совсем неверно. Ведь они, как правило, люди, пережившие годы атеизма, которые чаще всего со временем приходят ко Христу, к Церкви и видят, что выбор, который делали их дети, был оправданным, хотя, к сожалению, иногда бывает и по-другому.

И возвращаясь к теме, скажу: взаимоотношения с духовником тоже должны выстраиваться на трезвой основе. Если я готов принимать то, что мне скажет батюшка, готов исполнять его советы, тогда — Господи, благослови. Тогда и Бог будет среди нас. А если я буду спрашивать благословения на свои необдуманные поступки

или на ревность не по разуму, а потом говорить, что «меня так благословили и почему-то вдруг не получилось», то к кому в этом случае претензии: к себе, к духовнику, к Богу? Наверное, к себе...

— На что же брать благословение? Одни считают правильным спрашивать священников о каждом своем действии, а другие очень редко приходят даже с какими-то серьезными жизненными вопросами.

— В принципе, повторю, если бы возможна была жизнь по подобию древних монастырей, то можно было бы на все брать благословение. На стакан воды, на то, чтобы сделать лишний поклон...

— Возможна ли такая степень послушания для кого-то в наше время?

— Я думаю, что сейчас — нет. Это практически невозможно. Конечно, остается отеческое выражение: «Будет послушник, найдется и старец», но все же условия жизни у нас совсем другие. Во-первых, есть ли такие старцы, которые могли бы взять на себя такое руководство? Когда у отца Кирилла¹ спрашивали, есть ли теперь старцы, батюшка шутил, что «есть старики, а старцев нет». Во-вторых, готовы ли мы исполнять беспрекословно все, что нам скажут? Ведь что часто получается: одни пытаются в точности, слепо, следовать тому, что прочтут в книгах о послушании, а другие просто отметаю

¹ Имеется в виду архимандрит Кирилл (Павлов), бывший духовник Троице-Сергиевой Лавры.

все: «Это не для нас, потому что в наше время невозможно». И первое, и второе — заблуждение.

— А отвечает ли духовник за свое духовное чадо?

— Он отвечает за свои благословения. Бывают разные случаи, к примеру, когда кто-то осмелится дать благословение человеку уйти из семьи или так «развернуть» свои домашние дела, что они выстраиваются под неподвижным «углом» и приводят к неожиданным, драматическим последствиям. Но тут, конечно, человек должен сам постараться оценить свою позицию: сможет ли он это исполнить, нужно ли ему это исполнять, будет ли это к пользе и ко спасению его самого и близких.

В этой связи замечу: сейчас много говорят о младостарчестве, когда молодые, совершенно неопытные священники берутся руководить людьми; но они, наверное, все же движимы искренней ревностью. Может быть, у них бывают какие-то ошибки, но они, конечно, хотят, чтобы спаслись все те люди, которые к ним приходят.

Господи, благослови и умудри всех в деле спасения...

— К вопросу о младостарчестве, даже не столько о младостарчестве, сколько об ошибках молодых пастырей: каковы они, например, в окормлении?

— Порой благословляют на то, что невозможно подъять человеку, дают бремя, которое он не может понести. Например, тяжелую епитимью, которая неисполнима. Но ведь епитимья является

лишь напоминанием о грехах, это некое благочестивое упражнение: когда человек его исполняет, то всякий раз приводит на память свои грехи и приносит в них покаяние. Епитимья не является наказанием. Ну и, естественно, она должна даваться в соответствии с духовным уровнем развития. Если человек впервые переступил церковный порог, пришел первый раз на исповедь, то вряд ли стоит давать ему епитимью — множество поклонов или множество канонов, когда он, в лучшем случае, только еще научился креститься и хорошо, если знает несколько молитв, а может, и того нет. Вообще, следует соответственно духовному уровню человека давать такое благочестивое упражнение, которое продвигало бы его вперед, не останавливало, не приводило в уныние, а помогало бы встать на путь покаяния, на путь христианской жизни.

Одна из опаснейших ошибок духовников — это то, что они иногда приводят к себе, а не ко Христу...

— Если же отношения между духовником и чадом уже сложились, то какие могут быть «подводные камни» в данном случае?

— Обиды могут быть. Люди могут обижаться, что им мало внимания уделяют, особенно женщины: Тане вот уделили внимание, а Мане — нет, ревность какая-то может быть, ревность неразумная, потому что мы иногда не снисходим друг к другу...

— А какое основание может иметь под собою эта ревность?

— Основание? Нemoщ. И прежде всего немощь наша собственная. Даже если я, допустим,

обижен, и, как мне кажется, несправедливо (обижаемся-то на что? — на то, что представляется несправедливым по отношению к нам, а значит, причина обиды — наши страсти и самолюбие), надо всегда сознавать и помнить, что мы идем ко Христу, а не к человеку. Мы приходим к Богу, Ему приносим свое покаяние.

Мы приходим к духовнику, открываем ему свою душу, а тот, помолившись, принимает решение, которое возвещает ему Господь, и нам его сообщает. Если мы принимаем сказанное им как волю Божию, то должны это выполнить. Но бывает и так, что считаем его слова несправедливыми, и отсюда рождается обида и претензии лично к батюшке. Конечно, это надо тут же исповедовать.

В таких случаях люди спрашивают: «А что, если я поменяю духовника?». Но тогда надо рассудить, зачем я это делаю. Если я даже и уйду к другому священнику и по-прежнему буду обижаться и укорять кого-то, а не себя, то будет ли от этого польза? Конечно, нет. Лучше всего при подобном искушении, помолившись, открыть своему духовнику все, что есть на сердце, и уже только после этого, если нужно, принимать окончательное решение. Вполне возможно, искушение уйдет: частая и искренняя исповедь уврачуется эту рану.

Например, одна женщина говорила (это было в Лавре, где много духовников): «Вот сегодня, чувствую, что мне надо идти на исповедь к отцу Иоанну, завтра я пойду к отцу Стефану, послезавтра — к отцу Петру...». Такое рассуждение, конечно, не верно. Чем она руководствовалась?

Тем, что каждый скажет ей по сердцу ее? Это неправильно.

— Можно ли описать «идеальные» взаимоотношения между духовником и его чадом, которые возможны в наше время, при наших условиях?

— Есть понятие евангельского отца (матери) — это когда при пострижении в монашество духовник — священник либо старец (старица) — «принимает» постригаемого (постригаемую). И во время совершения пострига есть такой момент (во всяком случае, есть такой обычай в обителях): на Евангелие кладется рука старца, который воспринимает будущего инока, сверху — рука новопостригаемого, и священнослужитель, совершающий постриг, обращаясь к старцу-духовнику, говорит: «Се вручаю тебе пред Богом новоназначенного» (это означает, что он будет с этого момента отвечать за него пред Богом на Страшном суде). А новопостриженному говорит: «Повинуйся старцу, яко Христови». Вот это и есть понятие «идеальных взаимоотношений».

На приходе же, в обычном храме, миряночад и священников-духовников связывают узы взаимного расположения, а оно уже рождает послушание — вот такое взаимное согласие и является спасительным. Если по какой-то причине человек решает, что не может окормляться у этого священника, то нельзя уходить со стесненным сердцем и мрачными чувствами. В этом случае лучше объясниться, чтобы после расставания, встретившись потом случайно, можно было поздороваться и мирянин мог бы взять благословение у священни-

ка, а не обходить его стороной, помня горький момент разрыва и предшествующие ему сложности, что для обоих тяжело и, конечно, не по-христиански.

— А кто может стать духовником?

— У нас в Русской Православной Церкви в большинстве случаев духовником становится каждый священник, служащий на приходе и имеющий право исповедовать. У него появляется постепенно и своя паства, приходящая к нему уже как к своему духовному отцу. В Греческой Церкви, насколько знаю, не все, а определенные священники назначаются духовниками.

— Может ли быть духовным наставником кто-то помимо священника, например, просто более опытный в духовной жизни человек?

— Да, может быть, но это уже не буквально — «духовный отец», а скорее, духовный брат или — есть такое понятие — духовная мать. Причем такое окормление-советование возможно не только в монастырях, но и в миру. Ведь если это все здраво и трезво, если человек от опыта своего духовного говорит, то почему бы его не послушать и не воспользоваться его духовной практикой... Но все-таки нельзя провести полную аналогию между ним и духовным отцом.

— Есть ли какие-то качества, которые могут воспрепятствовать священнику стать пастырем?

— Об этом ему прежде всего должна сказать его совесть. Если он имеет что-то на совести,

какие-то отрицательные обстоятельства в своей жизни, или неприемлемые для такого служения черты характера, черты духовного облика... Но все же непригодность к пастырству определяет священноначалие. А русский народ всегда любил и любит своих батюшек и готов им все простить.

— А в каком случае необходима смена духовника?

— Если нет пользы для души. Но, наверное, надо смотреть в каждом конкретном случае. Если возникла необходимость расстаться со своим пастырем, то лучше, конечно, посоветоваться об этом с более опытным, со старшим. Уверен, что любой священник, когда к нему придут со стенаниями и воплями и скажут: «Батюшка, я чувствую, что не получаю от вашего руководства пользы, хочу куда-то пойти, у кого-то спросить», скажет: «Конечно, надо посоветоваться, как быть дальше».

— Можно ли иметь полноценную духовную жизнь, ведущую ко спасению, без духовника?

— По большому счету, наличие духовного руководителя — это же не залог спасения. Можно и жить около духовника и в то же время ничего не приобрести. Можно брать на все благословение и в то же время руководствоваться своей волей, потому что зачастую мы приходим услышать не Божию волю, а благословение на свое решение, на свои желания. Возможно и такое. А если человек исполняет заповеди Божии, живет по-христиански, очищает покаянием свою совесть, то

это не значит, что он сам себе полностью руководитель и сам себя милует, прощает и наказывает. Конечно, нет. Поэтому и без духовника человек может спастись, конечно.

— Что делать, если человек ищет духовного руководства и не находит? Как вообще найти духовника — не для какого-то абстрактного человека, а для себя?

— Я думаю, что могут быть разные пути. Если человек живет в каком-то месте: в небольшом городке, селе, деревне, где один священник, и при этом у него нет возможности куда-то еще пойти, поехать и встретить другого батюшку, тогда только так — сказать себе в смиренном и простом сердце: «Господи, благослови!» — и принять местного священника как своего духовника. Например, раньше, в дореволюционной России, велись записи, кто когда говел, когда исповедовался, причащался. Приходы были упорядочены, человек мог только в своем приходе подходить к Таинствам; в соседнем приходе были свои прихожане. Ну а сейчас в этом вопросе полная свобода и есть возможность выбрать духовника по своему сердцу. Просто надо помолиться, и Господь откроет, к кому расположиться.

— А что делать, если человек так и не смог найти духовника?

— Пусть ходит в Церковь, исповедуется, причащается, — и Господь, конечно, его не оставит. Прежде всего нужно быть сыном или дочерью Церкви — вот это самое главное, а остальное уже Господь приложит.

— Отец Алексей, что бы вы посоветовали молодым пастырям, только начинающим свое служение?

— Я не могу пастырям советовать: я над ними не пастырь, им советуют их архипастыри... А всем нам, грешным,— людям, которые хотят очистить свою душу,— посоветую чаще приходиться на исповедь с сердцем сокрушенным и смиренным. И если ощутим в себе грехи, умножившиеся, как песок морской, и если искренне будем каяться в них, вот тогда и сможем сказать, что мы на правильном пути.

Беседовала *Татьяна БЫШОВЕЦ*

Епископ Саратовский и Вольский Лонгин

ДАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЕЙСТВОВАТЬ БОГУ

Первое, о чем следует сказать, отвечая на вопрос, зачем нужен духовник,— христианству невозможно научить теоретически. Настоящее христианское отношение к жизни передается от человека к человеку с апостольских времен. А сами апостолы были со Христом, они восприняли во всей полноте евангельские истины благодаря тому, что Он учил их не только словом, но и самой Своей жизнью. Научение, наставление личным примером стало основой монашества, которое в свою очередь можно назвать фундаментом Церкви, но оно очень характерно и для христианства в целом.

Каждый из тех, кто желает прийти к Богу, в идеале должен встретить человека, уже идущего по тому же пути, и в своей жизни руководствоваться его примером. Есть такое древнее церковнославянское выражение: «другдругоприимательно». Оно очень точно выражает суть такого совместного движения. И когда мы встречаем в жизни человека, который может подать нам пример, совершенно естественно, что мы обращаемся к нему с вопросами о нашей духовной жизни.

Дело в том, что, несмотря на многообразие людских характеров, у путей, которыми люди приходят к Богу, есть некие общие закономерности. Апостол сказал о Христе: *«Как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым*

помочь» (Евр. 2, 18). Так и человек, который столкнулся с внутренними трудностями и преодолел их, может помочь другому человеку. И поэтому мы обращаемся к тому, в ком видим духовную опытность, со своими недоуменными вопросами.

В России священнику на приходе всегда вменялось в обязанность (так происходит и сегодня) руководить духовной жизнью своих пасомых. Не только совершать богослужения, церковные Таинства или служить требы, но и исповедовать, советовать, наставлять, отвечать на вопросы. Именно поэтому церковные каноны говорят о том, что рукоположение во пресвитера возможно не ранее 30 лет. Это тот возраст, когда человек становится по-настоящему взрослым, приобретает какой-то, пусть не очень большой, но уже собственный жизненный опыт. К сожалению, сегодня у нас огромная нужда в духовенстве, и мы не можем жестко руководствоваться этим правилом: рукополагаем тех, кто гораздо моложе. Но тем не менее, если человек, готовясь к священническому служению, сам учится жить по-христиански, он может помочь и тем людям, которые только приходят в Церковь.

Немного отступая от темы, скажу, что когда будущие священники спрашивают меня: «Как научиться исповедовать людей?», — я им отвечаю: «В теории — никак. Есть только один путь — самому постоянно исповедоваться у духовно опытного человека». Вообще, очень многому в Церкви невозможно научиться иначе, чем живя церковной жизнью. Есть много учебников по пастырскому

богословию, но то, что в них написано, будет лишь мертвым грузом для того, кто сам полноценной церковной жизнью не жил.

* * *

Духовник — это прежде всего священник, которому мы доверяем. Но на чем должно основываться это доверие? Его слова не должны расходиться с его делами. Так это или нет, в большинстве случаев можно убедиться в течение достаточно короткого времени. Но первое и главное основание — слова и дела этого священника не должны расходиться с Евангелием.

Если в Евангелии написано одно, а тот священнослужитель, к которому мы пришли, учит другому, совершенно противоположному, пусть даже под видом благочестия, то слушать его не нужно. К примеру, если в Евангелии сказано: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19, 6; Мк. 10, 9), — а кто-то из «духовников» говорит мужу и жене: «Вам нужно развестись и постричься в монахи», — он противоречит Евангелию. Каким бы подвижником ни был он сам, в своем отношении к семейной жизни он противоречит Евангелию, и слушать его ни в коем случае нельзя.

Мы должны помнить, что многие еретики были выдающимися личностями. История донесла до нас то, что Арий, александрийский пресвитер, основоположник одной из самых страшных по своим последствиям ересей в истории христианской Церкви, в личной жизни был подвижником. Многие его почитали за аскетизм и строгость, которые так привлекают

людей. Но при этом его учение резко противоречило Священному Писанию. Поэтому те, кто увлекся его проповедью (а на какое-то время большая часть Церкви увлеклась тем, что он говорил), стали еретиками. Поэтому соответствие всех слов и действий священника духу Евангелия — главное, на что стоит обратить внимание тому, кто ищет духовника.

* * *

Для современного человека, живущего в миру, достаточна регулярная подробная исповедь своему духовнику — приходскому священнику или монастырскому, насельнику того монастыря, куда этот человек имеет возможность приезжать постоянно. Для того чтобы духовник мог дать исповедующемуся какой-то совет, направить его, нужно, чтобы он достаточно долгое время знал этого человека, обстоятельства его жизни.

Мирянину невозможно и не нужно пытаться воспроизводить в своих отношениях с духовником те образцы, которые даны нам в древних патериках. Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал, что в его время настоящие, духоносные наставники оскудели. Их очень немного, больше актеров, которые надевают на себя личину древних подвижников. Тем более эти слова актуальны для нашего времени.

Не надо искать беспрекословного, мироотречного послушания, которое мы видим в древних повествованиях, например, в рассказе о том послушнике, который, по слову своего старца, пошел сажать рассаду корнями

вверх... Современные люди в подавляющем большинстве своем, к сожалению, уже не могут воспринимать эту историю так, как монахи древности, видеть тот смысл, который в ней заложен изначально. Они живут совсем другой жизнью, и потому поиски какого-то абсолютного, целожизненного водительства со стороны духовника совершенно не оправданны. И даже если люди думают, что они такое руководство нашли, они, чаще всего, обманывают сами себя.

Не надо ждать от священника, духовника прозорливости, способности предсказывать будущее, предугадывать. Очень часто, будучи обременены мирскими, нецерковными предрассудками, даже вроде бы искренне верующие люди приходят к священнику как... к гадалке высшей категории. Даже зная о том, что христианство крайне отрицательно относится к любым попыткам заглянуть в будущее, по немощи своей они желают получить сиюминутную «гарантированную» помощь, узнать свою судьбу. Думают: гадалка может обмануть, а вот старец, уж «он точно скажет». И с такими чувствами, может быть, даже их не осознавая, обращаются к священнослужителям, ищут «рекламированных» старцев, подлинных или мнимых.

Такие ожидания предсказаний, поиски чудес не просто мешают вести нормальную духовную жизнь, но часто становятся ее полной подменой. Человек думает, что обретает истину, а на самом деле находится в прелести, в самообольщении. Хорошо, если его духовник — человек здравый

и сможет распознать это состояние, направить на истинный путь...

Поэтому, повторю, для верующего человека очень важна регулярная исповедь духовнику, который знает его самого, имеет возможность достаточно долгое время наблюдать за его внутренней жизнью и жизненными обстоятельствами, который может дать ему совет — не повеление, не распоряжение, а именно совет. И человек, если он доверяет духовнику, конечно, с верою должен этот совет исполнить.

Послушание совершается в свободе. В случае необходимости священник, духовник что-то советует тому, кто у него исповедуется, — именно советует, а не приказывает. И если человек исполняет этот совет, он делает это свободно, по доброй воле, соглашается с тем, что ему говорится. Даже если он на данный момент не вполне представляет себе или не понимает то, что он будет делать, все равно он свободно принимает решение, послушаться ему или нет. И он, конечно, волен принять слова духовника или их отвергнуть.

* * *

В годы моей жизни в Троице-Сергиевой Лавре (1986–1992) там было несколько духовников братии и мирян, и очень многие старые монахи, которых я застал, были настоящими духовниками.

Духовником братии в то время был архимандрит Кирилл (Павлов). Я у него исповедовался перед монашеским постригом и, конечно, все те годы, пока был насельником Лавры.

Трудно говорить об отце Кирилле, потому что о нем много доброго сказано самыми разными людьми. Конечно, он был и остается примером духовника, он обладает всеми теми качествами, о которых я сказал выше. Но его главная черта — необыкновенная любовь, которую чувствовали все, приходившие к нему.

Есть очень хороший критерий, по которому можно отличить человека по-настоящему духовного от того, кто в эту духовность вольно или невольно играет. Отец Кирилл строг к себе и необыкновенно терпелив и ласков ко всем окружающим. Тот, кто играет, наоборот — снисходителен к себе и очень строг к людям.

Вообще, для любого христианина подобное отношение должно стать основным правилом внутренней жизни: мы должны быть более строгими по отношению к себе, не разрешать себе того, что мы обычно себе позволяем, — и абсолютно все прощать нашим ближним. А мы обычно поступаем наоборот: думаем о том, как мы устали, как нам тяжело, как нам трудно, и поэтому прощаем себе очень многие вещи, но в то же время предъявляем самые суровые требования к тем, кто находится рядом с нами: «Как он мог так поступить?», «Почему она не понимает?»...

Тогда, когда отец Кирилл еще принимал людей, он каждого встречал с радостью. Сам он — необыкновенно спокойный, необыкновенно трезвый человек. В нем нет и не было никогда ни капли какой-то преувеличенной эмоциональности. Есть такое понятие — естественность в общении.

Вот в нем эта естественность проявляется в высшей степени.

Поразительно вот что: все эти качества, эта любовь к людям сохраняются в настоящем духовнике несмотря на то, что ему приходится в течение всей жизни видеть людей с самой неприглядной стороны — на исповеди, когда человек кается, признается в таких поступках, о которых обычно люди стараются не то что не говорить, но и не вспоминать лишний раз. Мы прощаем себе все: и измену, и подлость, и греховность, и стараемся для того, чтобы поддержать себя «в тонусе», если уж мы согрешили, побыстрее отмахнуться от этого... А в Таинстве покаяния человек все это открывает перед духовником. У отца Кирилла исповедовались тысячи людей. Если бы перед обычным человеком развернулась такая картина человеческой греховности, немощей, неприглядности человеческих поступков, он не смог бы сохранить душевный мир и ровное отношение ко всем людям. А у отца Кирилла ничего, кроме все возрастающей любви к людям, это не вызывало. Таков результат правильной духовной жизни.

Еще один человек, которого я вспоминаю с благодарностью, — это покойная ныне игуменья русского Покровского монастыря в Болгарии матушка Серафима, урожденная княжна фон Ливен. Ее отец, князь Андрей Александрович, предводитель дворянства Коломенского уезда, после революции воевал в Белой армии, затем вместе с семьей эмигрировал через Крым в Константинополь. В предвоенные годы в Болгарии он сам стал священником. Здесь Ольга Андреевна (так

матушку звали в миру) стала духовной дочерью владыки Серафима (Соболева)², он постриг ее в монашество, благословил созданный ею монастырь.

Когда я учился в Болгарии, я общался с матушкой Серафимой достаточно часто, задавал ей самые разные вопросы и удивлялся ее отношению к миру, ее взглядам на духовную жизнь. И до сегодняшнего дня ее ответы кажутся мне очень точными и глубокими. Как-то раз я пришел к ней и рассказал о неприглядном поступке одного человека, который и меня отчасти задел. Впоследствии этого человека исключили из духовного учебного заведения, где он учился. Меня поразила реакция матушки. Слушая меня, она повторяла: «Бедный, бедный», — с чувством не просто глубокого сокрушения, а с сердечной болью... И я подумал, что если бы то, о чем я

² Архиепископ Богучарский Серафим (Соболев) родился 1 декабря 1881 года в Рязани. В 1908 году, во время учебы в Санкт-Петербургской Духовной академии, был пострижен в монашество с именем Серафим (в честь прп. Серафима Саровского). В 1909–1911 годы, будучи помощником смотрителя Духовного училища в Калуге, часто посещал Оптину пустынь, окормлялся у старца Анатолия (Потапова). 1/14 октября 1920 года в кафедральном соборе города Симферополя был хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. В апреле 1921 года по благословению Святейшего Патриарха Тихона назначен управляющим русскими приходами в Болгарии с титулом епископа Богучарского. В 1920–40-е годы владыка Серафим вел активную архипастырскую деятельность, особо заботился о жизни русских эмигрантов в Болгарии. Опубликован ряд богословских трудов и проповедей владыки. Скончался архиепископ Серафим 26 февраля 1950 года, в Неделю Торжества Православия. Его могила в русском храме святителя Николая в Софии очень почитается православными верующими.

говорил, было рассказано другому человеку, он наверняка реагировал бы совсем по-иному: «Да ты что? Вот это да! Да как он смог?». А она действительно с состраданием и болью — это была ее естественная реакция — говорила об этом человеку единственное: «Бедный!». Тогда меня это до глубины души поразило, и, думаю, Господь не случайно дал мне такой урок: я увидел, как надо реагировать на человеческий грех, потому что на самом деле о грешнике ничего другого сказать нельзя, кроме этого слова — бедный.

К великому моему счастью, в моей жизни было много встреч с людьми по-настоящему глубокими, духовными, человеколюбивыми, верующими, стремящимися к духовной жизни, верными своему призванию. Думаю, что именно такие встречи могут дать человеку силу идти за Христом.

В древнем патерике есть такие слова (они принадлежат преподобному Макарию Великому): «Я не монах, но видел монахов». Такая вот возможность «видеть монахов», а в более широком смысле — настоящих христиан, жить с ними рядом, видеть, как они трудятся, как живут, как молятся,— самое ценное, что Господь посылает человеку на его пути.

* * *

Надо ли верующему человеку искать духовника? Да, но необходимо соблюдать при этом несколько простых правил. Нужно в том храме, куда ты ходишь, который ты выбрал по какой-то причине (или он находится рядом с домом, или тебе там просто нравится), — надо там постараться найти священника, которому можно регуляр-

но исповедоваться. Перерастут ли потом эти отношения в более глубокие — отношения духовного отца и духовного чада — покажет время. Но нельзя говорить себе: «Так, я пришел в Церковь, теперь мне срочно нужен духовник. Куда ехать? В Алатырь, в Дивеево? Пока не найду духовника, ничего делать не буду», — это, конечно, в корне неправильно.

Нужно молиться о даровании духовника. Вообще, Господь посылает ищущему то, что он ищет, если это ему по-настоящему необходимо, и в той форме, в какой это действительно полезно. Мы не должны забывать, что в отношениях между духовником и тем, кто у него окормляется, обязательно присутствует Господь, потому что эти двое собраны во имя Божие (см.: Мф. 18, 20). Между ними устанавливаются не просто человеческие взаимоотношения, как, например, между учителем и учеником.

Если мы собираемся, общаемся ради Бога, Он всегда присутствует рядом с нами. Но если мы будем пытаться всего добиться сами, по собственной воле и разумению, Ему ничего не останется делать в нашей жизни. Надо помнить об этом — и дать возможность действовать Богу.

Записала *Наталья ГОРЕНОК*

Вопрос о духовнике — один из самых часто задаваемых в Церкви. Только формулируется он очень различно. Кто-то считает, что наше время настолько бедственно, что нет священников, достаточно опытных для того, чтобы служить кому бы то ни было духовными наставниками. Иные, напротив, полагают, что без духовника и спастись-то невозможно. Третьих интересует вопрос сугубо практический: как найти духовника? На наш взгляд, тема духовничества — важнейшая в современной церковной жизни, требующая обсуждения в различных ее аспектах. Но начинать разговор на эту тему, кажется, лучше с самого первого вопроса: а зачем вообще нужен духовник? Ответив на него, проще будет отвечать и на прочие вопросы.

Александр Леонидович Дворкин,
богослов, ведущий специалист по сектоведению,
профессор Московского Православного
Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

— Духовник — это священник, у которого мы регулярно исповедуемся, который хорошо знает наши духовные проблемы и наши жизненные обстоятельства. Соответственно, для нашей исповедной практики и для серьезной христианской жизни лучше, конечно, ходить к священнику, который уже знает наши проблемы и может посоветовать, как их решить. Но вместе с тем конечно, наличие духовника не является услови-

ем спасения. Бывает, что у человека нет постоянного духовника по каким-то причинам, но тем не менее это никак не обозначает, что без духовника этот человек спастись не сможет или вовсе пропадет. Просто наличие духовника — это большая помощь человеку, стремящемуся вести серьезную духовную жизнь, а без духовника все это может быть намного сложнее.

Но у меня, в общем-то, на всех этапах моей жизни были замечательные духовники, которые мне оказывали необходимую духовную помощь, особенно учитывая то дело, которым я занимаюсь. Такое особое благословение Божие, что у меня действительно были всегда хорошие духовники, поэтому трудно себе представить, как бы я справлялся без них. Хотя были ситуации, когда, скажем, я жил в Германии, а мой духовник — в Америке, поэтому получалось так: я исповедовался у священника в храме, в который ходил, но по всем важным вопросам — они не так часто, но раз в пару месяцев возникали — я просто звонил своему духовнику и советовался с ним.

А помощь духовника — это молитва, которая защищает, советы по важным вопросам, которые он мне дает.

Священник Алексей Тимаков,
клирик московского храма во имя святых
преподобных Зосимы и Савватия Соловецких
в Гольяново, постоянный автор журнала
«Альфа и Омега»:

— Мы окунаемся в духовную жизнь, как слепые котят, и, безусловно, нам нужен руководитель, человек, имеющий опыт в поиске Бога. Самое

важное качество духовника — это его способность и возможность молиться, предстательствовать за другого, за тебя просить пред Богом. Любой священник, исповедующий человека, предваряет чин покаяния молитвой. Тем самым утверждается Божие присутствие на исповеди, и Его активное в ней участие, и бессилие человека в столь серьезном духовном делании. Вне зависимости от своих моральных или интеллектуальных качеств, батюшка иногда такое скажет, что вопрошающий удивляется: «Как же много этим открыто!». По своему внутреннему уровню священник сам сказать такого не мог, но молитва делает возможным передачу от Бога того, что необходимо услышать конкретному человеку. Духовник, священник, если можно так сказать, по долгу своей службы обязан молиться, вычитывать правила — худо ли, бедно ли это у него получается, но он все равно это делает, готовится к литургии, поминает тех, кто просил за них молиться, вынимает за них частицу на проскомидии, и это — самое главное, что он может отдать человеку. Да, конечно, и священник грешит, и «дрова рубит», и ошибается, но все равно он имеет дерзновение пред Богом за людей, и если человек встает не на ту стезю, то Господь по молитвам духовника все дело может выправить и исправить то, на что у самого человека сил не будет.

Можно ли обойтись без духовника? — А как можно слепому обойтись без поводыря? Если у человека нет духовника, — значит, ему самому приходится трактовать Священное Писание. Наверное, с помощью какой-то литературы это и возможно делать, но живое слово, живой пример — совершенно другое. И совсем не обяза-

тельно духовный опыт приобретается на исповеди: это может быть и в простой беседе. Вспомним, например, Паисия Святогорца, который просто разговаривал со своими близкими, а слова шли от души к душе и накрепко запоминались. Духовный опыт впитывается порой даже и не через слова, а по образу, по духу. Воспитывать можно по-разному: «делай, как я сказал!» или: «делай, как я!». Настоящий духовник воспитывает примером.

Конечно, духовником далеко не всякий священник может быть. Тому свидетельство младостарчество, которое весьма процветает сейчас у нас: едва успев принять сан, священник уже обрастает «духовными чадами».

Духовника бывает непросто обрести, но пробовал ли человек по этому поводу молиться? Пускай пробует, пускай ищет: подойдет к одному на исповедь, к другому, поговорит. И тогда возникает духовная связь, и человек чувствует, что родился заново. Недаром наставника называют духовным отцом. Но чаще всего человек находит своего пастыря в том храме, куда привел его Господь в первый раз.

Если же говорить о той помощи, которую мы получаем от духовника, — это прежде всего его молитвы, как говорил выше, и, конечно, добрые советы.

Священник Сергей Масленников,
клирик Московского подворья Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры:

— Без духовника очень трудно искать путь спасения. Без него практически невозможна

жизнь в Церкви — это вам скажет любой человек, живущий церковной жизнью, от простого прихожанина до Владыки. Потому и приезжают к старцам-духовникам, советуются, спрашивают. И беспрекословно исполняют то, что он им скажет, даже если это бывает трудно.

Духовник учит отсечению своей воли. Поэтому окормление у духовного отца — это в первую очередь жизнь в послушании. Исполнения советов духовника боится враг.

Конечно, и без духовника можно идти по пути спасения и спастись, но тогда путь из пункта «А» в пункт «Б» не будет прямолинейным. Хорошо, если сложилось так, что живешь недалеко от Лавры или какого-то монастыря: там есть духовники и можешь выбрать пастыря по своему сердцу. А в отдаленном небольшом городе не каждому дано найти Духовника с большой буквы, и живущим там людям не приходится говорить о «высокой» духовной жизни. Но тогда Господь и спрашивает с человека меньше. Бог исправляет отсутствие пастырской помощи либо дарованием человеку собственного духовного опыта, либо скорбями.

Но в моей жизни не было такого момента, когда бы я был без духовника. Да, они менялись, но были всегда, поэтому лично мне трудно сказать, как складывалась бы моя жизнь без духовника.

Обычно лукавый пытается «выстроить» свой «город» в душе человека и запутать его пути, окружая сердце стеной условностей. И человек зачастую поддается этим искушениям. А духов-

ник по благодати Божией за послушание чада ему имеет силу рушить эти «непроходимые стены». Для этого надо, ничего не утаивая, рассказать духовнику о постигших искушениях, и тогда он укажет выход, и по его молитвам разрушатся все вражьи «построения», и, освободившись, человек сможет двигаться дальше по своему духовному пути.

Олеся Николаева,

поэт, преподаватель Московского
литературного института:

— Человек, не имеющий духовника, пусть даже и привыкший анализировать свою жизнь, рассматривать возможные последствия своих поступков и имеющий готовность за них нести ответственность, безусловно, оказывается в более уязвимом положении, чем тот человек, у которого духовник есть, потому что наше поврежденное грехом естество подчас дает нам такую искривленную «оптику», что мы совершенно неадекватно начинаем воспринимать события и себя в контексте этих событий. Нами начинает руководить очень тонкое чувство самолюбия или человекоугодия, а мы думаем, что поступаем честно и правильно, по воле Божией, но на самом деле можем оказаться всего лишь игрушкой в руках лукавого, который, конечно, хитрее нас и куда лучше знает всякие потайные психологические ходы своего «клиента».

А человек, у которого есть духовник, причем духовник, который его знает на протяжении длительного или хотя бы некоторого времени, посвящен в тайны и особенности его жизни,

семейных обстоятельств, психологического склада, ведает о его возможностях или, наоборот, каких-то слабостях,— в какой-то мере защищен от собственной духовной кривизны и ложного выбора воли, «удобопреклонной ко греху», как определяли ее святые отцы. Безусловно, думаю, жизнь под руководством духовника более богоугодна и в духовном плане безопасна.

Я лично могу с уверенностью сказать, что без духовника обойтись трудно. Очень трудно. Конечно, бывают такие обстоятельства, когда его нет рядом или он недоступен для общения, но тогда ищешь какого-то человека, мудрого и зрелого, которому можно было бы поверять свои жизненные решения, поступки,— может быть, человека более духовного или даже просто старшего. Вообще же, кто-то из святых отцов писал, что если человек хочет узнать волю Божию, то он ее узнает даже от младенца. Поэтому, мне кажется, в ситуации, когда человек оказался где-то далеко, за границей, где нет православного храма, и ему приходится жить в иноязычной или тем паче инокультурной, иноконфессиональной среде,— если он с молитвой обращается к Господу и учится читать события, которые происходят с ним, если его душа находится в диалоге с Промыслом и желает знать волю Божию о себе, если он внимательно живет, то, по милости Божией, не погибнет. В Евангелии Христос говорит: «Замечайте, что слышите» (Мк. 4, 24). Если бы мы действительно это замечали, мы могли бы узнать все необходимое для нашего спасения.

К счастью, мы живем в православной стране, у нас такое количество храмов, у нас замечательные священники с самыми разными духовными дарованиями — есть добрейшие простецы, есть психологи-интеллектуалы, есть молитвенные аскеты-монахи, суровые или, наоборот, очень милостивые,— и каждый себе может найти духовника по своей склонности и устроению.

И если говорить о назначении духовника, то полагаю, что оно в том, чтобы помочь человеку расслышать свое призвание, приоткрыть замысел Божий о себе самом, помочь найти духовный смысл происходящего с ним, то есть привести ко Христу.

Владимир Легойда,

главный редактор московского журнала «Фома»:

— В любом деле необходим наставник, учитель, поэтому всегда проще, когда и в духовной жизни есть руководитель: очень многих ошибок тогда удастся избежать. Точнее, дело даже не в том, чтобы совсем не совершать ошибок — без них не обойдешься, а в том, что если есть духовник, то он как бы проходит эти ошибки вместе с человеком, и это очень важно. Роль духовного отца можно сравнить с ролью отца в семье. Аналогично и в духовной жизни.

Ну а можно ли без духовника обойтись? Думаю, в принципе можно, потому что в деле нашего спасения нельзя обойтись только без Христа. Другое дело, нужно ли обходиться?

А вообще, в вопросе поиска, обретения духовника, как и в вопросе взаимоотношений

с ним, очень важно, на мой взгляд, избежать двух крайностей. С одной стороны, некоего самомнения: «Я все могу решить сам». Полагаю, что такая самость, конечно, неправильна, так как она может завести далеко, поэтому если есть священник, к которому человек может обратиться как к духовнику, то лучше пусть обратится. Другая крайность — это стремление найти человека, на которого можно переложить все. Когда: «Батюшка, благословите покусать, благословите сходить в лес погулять, благословите, благословите, благословите....». И это ведь не шутки: я лично знаю такое отношение к духовнику. Когда люди, прочитав несколько трудов по аскетике и узнав о монашеской практике ежедневного исповедания помыслов духовному отцу, во что бы то ни стало стремятся найти духовника, а найдя, считают, что теперь они могут ему звонить каждый день, задавать множество несущественных вопросов, заставляя решать бытовые вопросы своей семьи. А ведь, в общем-то, на самом деле современному светскому человеку даже невозможно глубоко понять, что это такое — жить в полном послушании духовнику. Мне кажется, что это две крайности, и, кстати, вторая крайность может стать опасной тенденцией со стороны самого духовника; это то, что называется «младостарчество»: когда духовник считает, что он должен и имеет полное право руководить волей своего духовного чада в каждую секунду его жизни и во всех вопросах, включая бытовые и прочие.

Пройти между Сциллой младостарчества и Харибдой либерального «всегоразрешитель-

ства» — в этом и есть искусство любой жизни, в том числе и духовной, и оно не регламентируется никакими универсальными правилами. Но, конечно, проще тем, кто является сторонником существования авторитетов, «маяков», на которые можно равняться. И я это считаю нормой жизни.

Например, у меня был такой опыт обретения духовника. Я пришел на исповедь, и хотя это была не первая моя исповедь, но, скажем так, начальный опыт, поэтому и отношение к ней было еще специфическое, я бы сказал, преднеофитское. Священник мне задал вопрос о грехе, который я не собирался исповедовать, считая, что это что-то очень личное, что об этом говорить нельзя. Он мне задал этот вопрос, а я в ответ просто заплакал — опустил голову и заплакал. И вдруг услышал, что он плачет надо мной. И тогда я понял, что у меня появился духовник.

Отвечая на вопрос, в чем я получаю помощь от духовника, могу сказать, что самым главным для меня является то, о чем я когда-то услышал от одного замечательного священника: очень важно, чтобы пастырь мог вдохновлять. И мой духовник — это человек, который, безусловно, вдохновляет и очень помогает в ситуациях того самого «окамененного нечувствия», в которые ты периодически попадаешь. Вдохновляет, потому что всегда указывает путь ко Христу. При этом именно не заслоня Христа, а показывая Христа — своей жизнью и своими молитвами. Это истинная и очень сильная помощь в самые тяжелые моменты, когда

человек проваливается в кажущуюся бессмысленность окружающей жизни.

И, наконец, главное, как мне кажется, в этом вопросе очень точно выразил священноисповедник Роман (Медведь): «Задача пастыря — так воспитать душу, чтобы она сама могла стать пред Господом и вполне свободно и сознательно избрала добро...».

Ирина Шалотина,

врач-неонатолог высшей категории,
член Саратовского епархиального Общества
православных врачей:

— Счастлив тот, кто по милости Божией обрел духовного отца! Потому что как бы ни был общителен и коммуникабелен человек, он одинок в своей духовной жизни.

Открыть свою душу с целью ее очищения от греха наиболее полно возможно только духовнику. Он, регулярно принимая нашу исповедь, узнает нас гораздо лучше, чем близкие родственники и друзья. А потому и наставление его самое правильное.

Принимая какое-либо решение, я долго мучаюсь сомнениями. Но стоит взять благословение у духовного наставника, как проблема разрешается благоприятно, хотя иногда и неожиданным образом. Ведь это сам Господь рукою священника благословляет дела наши, если они угодны Ему. А каким источником мудрости и добродетели являются духовные беседы! К ним стремишься от бытовой суеты, чтобы обрести твердость и уверенность в том, что все преходяще, кроме Любви. Окармливаемые духовником чада становятся

приходской общиной, в которой легче переживаются все невзгоды.

В трудные моменты своей жизни я всегда ощущаю молитвенную помощь духовного отца, который ведет нас, своих чад, ко спасению.

Михаил Мчедлишвили,

московский художник-иконописец, член Творческого Союза художников России:

— Я думаю, что духовник нужен для того, чтобы человек не блуждал впотьмах в поисках правильных жизненных решений. Духовный руководитель, узнав человека, может более спокойным и коротким путем духовно направить его, чтоб он нашел в сердце своем Бога и любовь к людям, чтобы шел по жизни с минимальными житейскими потерями. Духовник особенно необходим в наше нестабильное время, когда так мало от нас зависит, когда человек все время колеблется, сомневается, как ему верно поступить. А если есть у чада к духовнику доверие, благоговейное отношение и желание исполнять его благословения, тогда ощутимо упрощается его жизнь, он многое ненужное отбрасывает, и главным образом — сомнения.

Из житий святых мы знаем, что были такие подвижники, например, преподобная Мария Египетская, которые и без духовного руководства достигли святости. Но это, конечно, исключительные случаи, и лично мне об этом очень трудно говорить, потому что я сам не смог бы обойтись без духовного наставника. Думаю, что вообще вряд ли современному человеку можно без духовника, но большая сложность

в том, как его найти. Могу сказать, что у меня было несколько духовников прежде, чем я обрел своего нынешнего духовного руководителя.

В чем разница жизни с духовником и без духовника? А это я вижу по некоторым своим знакомым, как им тяжело без духовника, они столько шишек набивают себе.

Но есть еще один аспект: если духовник находится далеко. Вот я живу в Москве, а мой духовник — в Тбилиси. Думаю, некоторые люди заблуждаются, считая, что духовника надо посещать часто, обращаться к нему с каждым вопросом, все время быть у него в поле зрения. А мне кажется, что если человек внимательно прислушивается к словам духовника, обращенным к нему или даже к кому-то другому, то он имеет очень большой фактический материал, и у него все время идет диалог с духовником, все время он несет образ батюшки в своем сердце, и общение не прерывается, несмотря на расстояние.

А помощь духовного отца заключается, естественно, в первую очередь, в его молитве. И я чувствую ее почти на физическом уровне. То есть все эти состояния спадов, конечно, и сейчас есть, но тем не менее, если батюшка служит литургию или молебен, у меня всегда есть маленькая надежда-уверенность, что, может быть, он и меня помянет. Это уже радость и укрепление духа. И потом большая радость вообще в том, что он есть в жизни моей и моих близких: с ним общаются также и супруга, и сын, и дочь, и внуки. Он знает нашу жизненную ситуацию, знает всю нашу историю, а мы к нему

духовно «прилеплены». Уверен, что настоящий духовник для своего чада желает больше, чем чадо для самого себя.

Марина Шмелева,

сотрудница саратовского

Свято-Троицкого собора:

— Когда человек исповедуется у разных священников, многие вопросы духовной жизни ему поневоле приходится решать самому. Получается, что, с одной стороны, он вроде бы держит совет со священником, а с другой — сам себе голова и сам себе руководитель. В то время как духовник помогает соотнести внутренний опыт верующего с отеческой традицией, с голосом Церкви. Советуясь с ним, христианин живет уже не по своему разуму, смиряется перед чужой волей, учится слушать и слышать. Собственные поступки, мысли, чувства он может увидеть как бы глазами другого человека. Причем взгляд духовника, с одной стороны, объективен: ведь он не связан с нами родственными или приятельскими отношениями. С другой стороны, это взгляд не постороннего, которому безразлична ваша судьба, а жалеющего вас человека. Наверное, все это имела в виду моя подруга-казашка, когда сказала: «Какие вы, христиане, счастливые, что можете пойти на исповедь, поговорить, посоветоваться!».

Также духовник нужен для того, чтобы делиться со своим чадом опытом духовной жизни, чтобы верующий человек видел пример современной ему жизни во Христе. Ведь в жизни много ситуаций, когда недостаточно прочесть умную

книгу. Бесценными в такой момент оказываются совет и живое слово участия.

И, конечно, духовник нужен для поддержки и утешения. В наше время человек, который стремится жить по заповедям Божиим, окружающими воспринимается как странный, несовременный, а то и не совсем здоровый. Близкие, друзья порой не просто толкают христианина на грех, но еще и всем видом показывают, что это норма человеческих отношений. В такой ситуации просто жизненно необходимо увидеть, что на пути ко Христу ты не один, что вас, по крайней мере, двое.

ПОД КРЫЛЬЯМИ ПТИЦЫ

Духовный отец, или старец — это человек, который знает, как Сам Господь, твой внутренний мир и управляет, ведет тебя ко спасению. Святители Феофан Затворник, Игнатий Брянчанинов говорили, как тяжело было еще в их время найти духовного отца, а в наши дни, по слову святителя Игнатия, мы руководствуемся в основном свято-отеческими книгами. Но духовного наставника должен иметь каждый христианин.

XX век — это век богоборческий, век, который уничтожил, казалось бы, и духовническую плеяду, и преемственность священническую. На самом же деле, в этих невероятно тяжелых условиях Господь давал Церкви старцев-утешителей. Пройдя через тюрьмы, лишения, гонения, внешние и внутренние пытки, они настолько возлюбили Господа, что в каждом человеке видели образ Божий. Чем грешнее человек приходил, тем любвеобильней они встречали его и давали ему возможность через свой жизненный пример вкушать сладость жизни в Боге. Это в настоящее время старцы строгие, а «младостарцы» вообще жестокие, а тогда они показывали всему миру прежде всего, что такое есть любовь Божественная, всеобъемлющая.

С детства я воспитывался в Псково-Печерском монастыре, который никогда не закрывался, даже в лютые безбожные годы. И там

в то время сохранилась преемственность духовничества — в истинном смысле, когда старец, по слову Господа, знает своих чад, и чада знают его. В годы хрущевских гонений, когда после небольшой послевоенной оттепели вновь началось закрытие храмов, Псково-Печерский монастырь стал прибежищем духовных отцов. Сюда пришел с Кавказских гор схииеримандрит Пимен (Гавриленко), который много пострадал, прошел через тюрьмы. Сюда был сослан, перемещен из Троице-Сергиевой Лавры и мой духовник — схиигумен Савва (Остапенко).

Впервые я попал в Печоры семилетним мальчиком, с паломнической поездкой. Тогда и состоялась эта впечатляющая встреча. Отец Савва шел после службы в окружении толпы, быстро отвечал на вопросы, со всех сторон кричали:

— Батюшка, помолись.

А перед нами остановился. Подходит и говорит:

— Благослови.

Мы испугались — как это, и что отвечать.

А он добавил:

— Зайдете ко мне, после обеда.

Нас пригласили на братскую трапезу, после зашли к нему в келью, потом пошли на монастырскую «горку», и там была первая духовная беседа, еще тогда совсем детская. Первые мои вопросы были — обыденные такие, можно сказать, наивные, но в то время они были для меня актуальны, надо было как-то их решить. Получил благословение вместо десяти дней пробыть все лето,

на Успении побыть. Жили мы тогда на чердаке, у матери Александры, спали там рядами, от пятидесяти до ста человек детей одних, с мышами и крысами. И не было для нас ничего слаще, чем святая вода и монастырский хлеб. И с того времени на протяжении многих лет, то есть включительно до десятого класса, я приезжал в монастырь на все каникулы.

Что дал мне духовник? — А то, что я имею. Он знал, что путь мой — крестоношение в сане епископа, я потом уже осознал это. Мы были маленькими, но он отнюдь не обращался с нами, детски забавляясь и играясь. Хотя при этом вел себя как чадолюбивый отец с детьми.

Он нас настолько по-отечески любил... Ему часто привозили из Москвы что-нибудь: кто-то ананас привезет, другой апельсины, мандарины. В то время только в Москве это все было. И вот он собирает нас и раздает. Но дав этот апельсин, он сразу прежде всего заставлял молиться за того человека, который привез, делать за него поклончики. И всегда говорил, что вот сейчас вы получаете — запомните. Жизнь наступит, сколько вы получили, должны будете в сто раз больше отдать. Словно указывал на нашу будущую стезю.

В отрочестве были такие грехи, которые оставались сокрытыми и забытыми. Дети есть дети, бывает, что-нибудь натворим. И вот идет исповедь, и вдруг старец начинает примеры приводить.

— А вот некоторые думают: это маленький грех. Для маленьких это большой грех.

И так вот обличает, потом уже подходишь и давай в нем каяться. И думаешь: никто ведь об этом не знал. Казалось бы, ну что там может быть в то время — какая-то маленькая шалость. Но духовный отец приучал нас к тому, чтобы каялись не просто «делом, словом, помышлением», но все, что в нашей душе сокрыто, становилось явным. И чтобы ощущали, к чему подходим и как подходим, а не просто подбежали «поисповедоваться». А после исповеди была легкость и осознание того, что «наконец-то свалилось». И вот этот страх ребенка перед духовником, перед священником, он всегда остается. При этом он открывал наши сердца, и мы свободно рассказывали все и не ощущали никакой тяжести.

К труду нас приучал серьезно. Мы сами поражались, сколько физически работали в то время. Начинали утром с полунощницы, потом братский молебен, в восемь часов завтрак. После целый день трудимся, в летний период до десяти вечера, потом после ужина идем на вечернее правило монашеское. В двенадцать ложились, в пять вставали. Что такое пять часов сна — для детей? А Господь так устраивал, что благодать давала силу и крепость. Как мы стремились, стоя утром у двери, получить благословение... И после этого не возникало никаких вопросов. Получил благословение — и с ним приходил такой мир в душу, какая-то теплота, как на крыльях бежишь, выполняешь послушания. Сначала я цветами занимался, затем послали на скотный двор, после него в столярку, слесарку, на кузницу, потом жестянщиком рабо-

тать, ухаживать за садом монастырским. Основы многих моих внешних знаний были получены там, в монастыре, в детские и юношеские годы.

Я вообще не знал, что такое духовник, что такое духовничество, никогда не задавал ему этих вопросов и не думал, как эти вопросы решить. Мы все время стараемся быть «оформленными» во что-то, в соответствии с нашим образованием. Но те беседы, которые, уже потом, когда я взрослее стал, проходили в его келье, не были ни напыщенными, ни богословскими. Это был разговор отца с сыном. Решались недоумения, в первую очередь, касающиеся обычной монастырской жизни, поведения и тех искушений, которые возникали каждый день.

Это поколение, уже ушедшее от нас, имело одно — Христа в своем сердце. И Христос через их уста, через их дела, руки творил то, что в настоящее время дало многим и многим способность и возможность установиться в своей духовной жизни. Псково-Печерская обитель через себя пропустила многих студентов духовных учебных заведений, которые в дальнейшем стали епископами, священниками, монахами. И они в той или иной степени на этих живых примерах научились, как человеку нужно поступать в различных случаях жизни. И что такое вообще духовная жизнь не по наружности, не в каком-то внешнем блеске и красоте, не в какой-то внешней твердости, решимости и жесткости, а в истинном духовном смысле — что Бог есть Любовь, и пребывающий

в Боге в Любви пребывает. И не случайно, когда старцев гоняли, притесняли, запрещали им принимать своих духовных чад, люди, невзирая ни на что, толпами шли, ехали к ним — и с Сахалина, и с Дальнего Востока, и из многих других мест.

Каждый из духовников заполнял ту или иную нишу в наставлении православных христиан. Один через свои богословские познания, через знание внутренней духовной жизни окормлял интеллигенцию — врачей, педагогов, ученых. Другой своей любовью и простотой привлекал простолюдинов, третий утешал людей замкнутых, унылых, печальных. Четвертый своей молитвой, даром слез, которым он обладал, покорял тех ожесточенных людей, которые в монахах и в монастыре видели какое-то внешнее затворничество, какую-то строгость, может быть, жестоковейность и определенные правила и не могли это воспринять. И каждый человек, проходящий в эту обитель, находил себе то, что потребно для его духовной жизни и что необходимо для того, чтобы воспринять от внешнего безбожного гонения и осознать, что Господь близ нас есть.

Говорить о сакраментальном — о том, что близко к исповеди, — наверное, еще не пришло время. Осознанно мы начали решать вопросы где-то уже в 16–17 лет, когда я стал понимать, что их надо решать серьезно. Только после того, как уже поступил в монастырь, я почувствовал на себе, что такое невидимая духовная брань, насколько она велика и как враг восста-

ет на молодых послушников. Уже не изнеможение от физического труда, как в детстве, давал нам вкушать Господь, а искушения от плоти, от мира и от диавола. Когда ты просто паломник, мальчик, когда ты только трудишься, — это одна жизнь. И совсем другое — когда ты избрал жизнь со Христом и во Христе. Тогда эта невидимая брань настолько поражает в самую сердцевину, вскрываются все сокровенные страсти — особенно гордыня и уныние, — что давит невероятно, раздавливает человека. И вот с этим ты приходишь к старцу. Готовишься целый день, думаешь, как же открыть это, а разрешается все за две-три минуты. Он даже не слушает, просто дает ответ, как эту страсть победить, почему это происходит и в чем надо искать первопричину греха. Удивительно, чем бы ни било нас, сердце наше не оставалось во гневе до захода солнца.

Господь готовил нас — не только меня, но и других — на служение священническое, епископское так, чтобы мы опытно, через свою жизнь познали, что такое скорбь, что такое гонение, что такое решение. Схиигумен Савва в последние месяцы жизни очень сильно болел. Ему нужно было все время на свежем воздухе быть. И я каждый день носил «на горку» раскладушку. А там эконо́м нас гонял, архимандрит Ириной, исполняя чью-то волю, чтобы не появлялся старец там. И вот один раз помалодушничал я, не понес. Через некоторое время прибежал — уже унесли раскладушку. А духовный отец обратился ко мне со словами:

— Дорого яичко к пасхальному дню. Ты,— говорит,— ощутил, как тяжело не исполнить послушание? Не осознал, но еще осознаешь.

И потом целую неделю я ходил с этим камнем. Даже подойти не мог, и он подошел ко мне сам. Спрашивает:

— Помучался? А теперь пойдем на исповедь.

И вот после этого я действительно осознал и насколько тяжело не иметь послушания, всецелой преданности духовнику, и насколько много будет искушений от внешних, и что значит верность тому пути, который ты избираешь.

Впервые я познал, как тяжело быть одному, когда он почил в Бозе. Я тогда еще был студентом, в семинарии учился. До этого душа моя не знала, что такое вопросы неразрешенные. Как под крыльями птицы находился — в тепле, в сумерках, покрытый молитвой. А тут оказался как бы наедине с внешними студенческими знаниями, а в них заключено много проблем, решить которые через книги невозможно. На них может ответить лишь ум духоносный, ясный и чистый, который не заражен этим внешним миром и не живет по его законам. Я приехал на отпевание и почувствовал, как много-много потерял. Но это чувство не поработило меня. Когда я начал входить в пещеры, то увидел, что Господь есть не *Бог мертвых, но Бог живых* (Мк. 12, 27). И как тогда все решалось — незаметно и просто — так и по настоящий день все решается.

То, что я испытал в общении с духовником, еще до конца не осознано. Некоторые грани стали проясняться после его смерти. Живя в монастыре, мы подозревали, каковы в действительности

сти гонения на старцев — и от внешних, и от внутренних. Видели, как они возвращаются из некоторых мест и потом по целому месяцу не могут выйти из кельи. Когда этих отцов уже не было в живых, наш фельдшер, игумен Феодорит, рассказывал, как они приходили к нему с переломанными пальцами, с тем, что еще дано было перетерпеть. В жизни они никому и никогда об этом не говорили. В обитель приезжали тайно и партсекретари, и сотрудники КГБ — те, что являлись их внешними гонителями. И старцы принимали их — ночью, когда никто не видел. С любовью беседовали со всеми, даже с отъявленными злодеями. И люди преображались в обители, становились по-детски обновленными своей душой. Через все это я впервые познал, что такое священническое служение, что такое истинное духовничество, когда духовник несет скорби и болезни от всего, от всех своих духовных чад, а не просто знает меня, по слову Господа. Духовничество — это крестоношение. Это тот подвиг, тот путь, по которому прошел Господь.

Записала *Елена САПАЕВА*

НЕ ВЛАСТЬ, А БЕРЕЖНОСТЬ И ДЕЛИКАТНОСТЬ

Меня попросили как-то посоветовать одному молодому человеку, к кому из духовников ему обратиться — что-то неладное, противоречивое творилось в его душе. Просившие знали меня, были доверительно расположены и, само собой, рассчитывали на то, что наши «вкусы» совпадут и здесь, что я смогу познакомить их с таким священником, который вполне удовлетворит человеческий и духовный поиск их сына. Поначалу я, было, внутренне отозвалась: уж больно хотелось помочь. И в какой-то момент даже вспомнила об одном московском священнике, который, казалось, соответствовал запросам людей такого плана — высокообразованный, интеллектуал, сам выходец из культурной творческой среды.

Но затем я все-таки отказалась от каких бы то ни было рекомендаций: откуда я могла знать, в какой именно духовной помощи нуждался тот молодой человек? И, быть может, ему, «бомондному» юноше, принадлежащему к именитой кинематографической династии, получившему заграничное образование, для того, чтобы запела душа его, требовался какой-нибудь совершенно простой, «обыкновенный», полуграмотный деревенский батюшка, могущий найти для него нехитрые, но единственно нужные слова.

* * *

Ныне весьма многие ищут духовного руководства, ориентируясь при этом на собственное понимание того, каким оно должно быть. Мно-

гие кидаются исключительно на поиски «прозорливых старцев», «блаженных» и просто именитых духовников. И это можно понять, когда люди попадают в чрезвычайно трудные, почти неразрешимые ситуации и верится им, что помощь должна исходить от того, кто являет, по их мнению, ярчайший пример богоизбранности. Однако отчаяние толкает их порой в «дружеские» объятия старцев и стариц-самозванцев, слепотствующих вождей, самопровозглашенных провидцев. Иные же, если и не ищут «великих», то, изголодавшись по адекватному человеческому общению, по внимательным благорасположенным глазам, по сердечному, не поверхностному отклику на свою житейскую тугу, тем самым как бы низводят Таинство на бытовой уровень, лишая его принадлежащего ему духовного содержания.

А ведь должна произойти Встреча — должно совершиться Таинство Созвучия. Таинство неподдельное, ненадуманное, обусловленное сугубой необходимостью во вмешательстве Божиим. За этим — непреложно — мы становимся свидетелями Божественного Отклика.

* * *

Видимо, все и начинается с глубокой внутренней неудовлетворенности: собой, жизнью — это подвигает нас искать Божественного вмешательства, помощи свыше. Если позволите, в некотором смысле это и есть первое духовное руководство. Со мной нечто подобное происходило лет в 13–14. Неудовлетворенность была горькой, тупиковой. Именно тогда произошло и первое в жизни соприкосновение со священным,

неотмирным: нашла (где-то на библиотечных полках) житие преподобного Кирилла Белозерского. Помните место, где преподобный сидит у печи, смотрит на пылающие поленья и обращается к себе: «Смотри, Кирилл, так и ты будешь гореть...». Я подумала тогда: «Вот настоящая жизнь — иметь такой помысл!». И расплакалась. От счастья. Я поняла, что совсем иная, полноценная жизнь есть, и она зависит от качества мыслей в голове. Это было понято как-то кожей, обонянием, сердцем. Я не была тогда даже крещена, но случившееся переживание — мой первый религиозный опыт. И это и было тем Божественным вмешательством в человеческую жизнь, которого мы все, по сути, только и чаем, но не всегда распознаем.

Зачастую мы форсируем события, тогда как иные ситуации требуют и долгих лет ожиданий. В моей судьбе явилось благом даже то, что выросла я не в религиозной семье, и мне ничего не было навязано родными, ибо я из той категории людей, которые органически не принимают никакого насильственного вторжения в личный духовный план — то, что сейчас в среде верующих зачастую происходит. Через шесть лет (после «знакомства» с преподобным) я уже была в монастыре — за несколько тысяч километров от дома, а еще через два года (не раньше и не позже) Богу угодно было даровать мне духовника.

* * *

...То, как принимал богомольцев архимандрит Кирилл (Павлов), какой пример духовничества он являл, требует, конечно, отдельного повествования. В свое время люди — и духовенство,

и миряне, и монашествующие, окормлявшиеся у него, думаю, еще не раз и скажут об этом, и напишут теплые благодарные слова.

Наплыв посетителей к нему на тот период, когда он, будучи еще в силах, принимал у нас в Переделкине, был каждодневным. Народ ехал издалека, ехал и ради исповеди, и за добрым советом. Всякий его «приемный день» неотменно начинался с чтения молитв последования исповеди, и как-то я, жалея изможденного до предела батюшку, спросила его: нельзя ли временами исповедей для всех не проводить, ведь многие ищут исключительно беседы? «Понимаю,— кротко ответил батюшка,— но в таком случае люди увлекутся праздными бесполезными разговорами, а проводя общую исповедь, я все-таки направляю их стремление к главному — к покаянию, к очищению сердца». Собственно эта короткая фраза, помимо того, что указывает на основные принципы духовного руководства, отнюдь не как доминирующего рычага влияния на судьбы людей, характеризует еще и самого отца Кирилла как поразительно скромного, смиренного человека. Он всегда испытывал (по крайней мере, мне так казалось) некоторую неловкость, когда его откровенно провозглашали старцем или ожидали от него судьбоносных радикальных решений.

Отсюда и неизменные общие исповеди, как желание еще и не выделяться, не быть более чем рядовым, могущим вязать и решить иереем, то есть — быть обыкновенным. Чего, кстати, не скажешь о многих молодых духовниках и новоявленных «старцах» и «старницах», упомянутых выше, которые, не имея ни опыта, ни элементарной

скромности, дерзают грубо вторгаться в человеческую жизнь, круша и ломая все на своем пути и ожидая к своей персоне исключительных знаков почтения.

«Что я могу? — часто говаривал отец Кирилл.— Я только выслушать человека и могу. Больше никакого толку от меня нет». Соответственно — деликатным и бережным по отношению к другой душе было и его духовничество. Его совет вытекал настолько естественно и органично из повествования самого вопрошавшего, что складывалось ощущение, будто сама жизненная ситуация подводила к такому пути решения. Многие, я знаю, огорчались и недоумевали: и что это батюшка ничего «такого» не говорит, ничего не прорекает, не назначает тяжелых, внушительных епитимий?

За последние 10–15 лет, что я имела счастье наблюдать этого смиренного духовника, и «на людях», и в часы уединенные я ни разу не слышала от него ни одного пренебрежительного слова в чей-либо адрес, равно как и ни разу не слышала покровительственно-собственнического: «мои чада», «я благословляю!».

Отец Кирилл и был, и остается прежде всего хорошим, добросовестным монахом со свойственной каждому такому монаху заниженной самооценкой — стражем, соблюдающим инока для преуспевания. Я умышленно не позволяю себе высокопарных эпитетов, зная, как они бы не приглянулись батюшке.

И сейчас, когда он прикован к постели и практически не в силах поддерживать нас словом, я снова и снова прихожу к убеждению, что

сила духовника, служащего Богу и людям в «преподобии и правде», — не в словах вовсе. Это та высокая мера, когда на человека достаточно смотреть. И либо нам все станет понятно и без слов, либо мы так и будем бесконечно спрашивать и переспрашивать.

* * *

Есть одна крайне негативная тенденция у нас, стремящихся строить свою жизнь и свои отношения с Богом, так сказать, — «по благословию».

Это нежелание (быть может, неосознанное) или неспособность самостоятельно нести ответственность за свои поступки. Ответственность перед своей совестью.

Отсюда, думается, и все «ловушки», гарантирующие нам «застой». То мы бесстыдно перекладываем ответственность за свое невежество на плечи духовника. То бессмысленно подменяем драгоценный багаж личного религиозного опыта «чужими содержаниями», именуя такие подмены послушанием либо преданностью...

Но, видимо, это отдельная, требующая особого рассмотрения тема.

Владыка, благословите! Хочу попросить Ваших молитв и задать следующий вопрос: как Вы понимаете духовное окормление в современном мире, в современной Церкви? Как часто допустимо видеться с батюшкой? Какие вопросы духовной жизни действительно требуют разрешения и совета, а по каким можно не беспокоить батюшку? Что делать молодой девушке, которая регулярно исповедуется у молодого священника и чувствует и свое смущение, и его смущение, и вместе с тем понимает, что невозможно оставаться без духовного окормления, и по этому поводу часто впадает в уныние?

Отвечает Епископ Саратовский и Вольский Лонгин

Сущность духовного окормления во все времена одинакова. Само слово «окормление» родственно слову «кормчий». Духовный отец помогает человеку решать жизненно важные вопросы. Образно можно представить: как кормчий среди рифов, мелей и прочих опасностей ведет свое судно, так духовник помогает христианину избегать те ошибки, падения, неудачи духовного плана, которые подстерегают всех вступивших на этот путь. И в этом смысле современность

³ Ответы на вопросы посетителей портала «Православие и современность» (www.eparhia-saratov.ru)

не прибавляет к пониманию духовного окормления принципиально ничего нового.

Как часто необходимо прибегать к советам духовника? Это определяется, с одной стороны, необходимостью этого совета, с другой — возможностями священника.

А помощи в разрешении требуют основополагающие вопросы духовной жизни, прежде всего связанные с молитвой, постом, с образом жизни христианина: например, как соблюдать те или иные церковные правила, насколько можно сделать послабление, если человек болен. Со священником обсуждаются также те вопросы, которые могут изменить само направление жизни человека (например, если он устраивается на работу или учебу, важно выяснить, не противоречат ли его устремления христианству). Таким образом, к духовнику идут с вопросами, решение которых накладывает отпечаток на всю дальнейшую жизнь.

Есть люди, которые пытаются перенести в свою жизнь то устройство, о котором прочитали в книгах про древних старцев и подвижников. Пробуют воплотить монастырские правила в приходской жизни, к примеру, заняться откровением помыслов.

Но надо помнить, что многие вещи, необходимые в монастыре, в миру являются, во-первых, неисполнимыми, а во-вторых, просто вредными. У Иоанна Лествичника есть очень хорошие слова о том, что новонаначальному бесполезно рассматривание помыслов, потому что это приводит его в состояние неправильное: человек может запутаться в тех тонких движениях души, на которые порой лучше вообще не обращать никакого

внимания. Живя в миру, мы не можем уделять все свое время духовной жизни, поэтому попытки тонкого различения помыслов чаще всего приводят к рефлексии и самокопанию.

Не стоит беспокоить батюшку вопросами бытового свойства. Кроме того, часто бывает, что человек, постоянно обращаясь к священнику по любому поводу, просто теряет навык к принятию самостоятельных решений — это неправильно.

И Ваш последний вопрос: что делать молодой девушке?.. Бежать от этого священника без оглядки! Каким бы ни казалось ей ее чувство хорошим, святым, чистым и возвышенным, если есть у нее смущение, и если она чувствует еще и смущение священника, бежать от него, если не хочет попасть в геенну огненную. Все мы люди немощные. Никакие минусы от отсутствия окормления не перевесят того вреда, который может произойти, если дать развиваться этому чувству, поэтому нельзя допустить даже и проблеска его.

Не случайно церковные каноны предполагают определенный возраст для священника (старше 30 лет). Мы сегодня делаем исключения по необходимости и рукополагаем более молодых людей, поступаем по той пословице, что «нужды ради и закону пременение бывает». А по древнему правилу, которое до сих пор действует в Греции — стране, наиболее полно сохранившей церковные традиции, — не каждый даже рукоположенный священник имеет право принимать исповедь: только человек, достигший 45-50 лет, когда естественным образом увядают многие страсти, и когда духовник, как правило, уже имеет достаточно большой жизненный и священнический опыт.

Владыка, во время поста как никогда искушения одолевают человека. Помощь и поддержку он может получить у своего духовного отца. Однако, как правило, во время поста большое количество прихожан стремятся исповедаться, что конечно радостно, но значительно уменьшает возможность полноценного общения со священнослужителем. Какими принципами должен руководствоваться прихожанин при выборе своего духовного отца для исповеди и духовных бесед? В какое время духовному чаду предпочтительнее общаться со своим духовным отцом, чтобы не обременять его дополнительно? Имеется ли в Вашей практике опыт, когда совместная беседа со священником жены и мужа, по вопросам супружеской верности, послужила сохранению брака?

Отвечает Епископ Саратовский и Вольский Лонгин

Принцип один: человек должен выбирать для себя духовником священника, способного принести ему духовную пользу. Должны сложиться отношения понимания и доверия. Искусственно этого достигнуть нельзя: от священника требуется понимание приходящего человека, внимание к нему; со стороны самого человека необходимо доверие своему духовному отцу.

В какое время предпочтительнее общаться? На этот вопрос ответ может дать сам духовник — в зависимости от его обстоятельств. Каких-то внешних правил, которые могли бы это регламентировать, нет. Естественно, что и поисповедаться, и поговорить со священником с большим удобством можно не в воскресный или

праздничный день, а в день будний, когда нет большого наплыва прихожан и священник не ограничен какими-то временными рамками.

Совместная же беседа духовника с мужем и женой вообще очень желательна. И не только по вопросам супружеской верности, но и по всем вопросам, которые возникают в совместной жизни супругов. Это очень действенное средство не только сохранить брак, но и разрешить противоречия, вносящие разлад в семейную жизнь.

Преосвященнейший Владыка! Ответьте, пожалуйста, стоит ли вообще в наше время искать духовника? Ведь как свои ошибки, так и чужая неопытность могут очень повредить душе и сломать жизнь человеку. Святые отцы советуют руководствоваться книгами, но и мне, и многим моим знакомым очень не хватает возможности посоветоваться и попросить молитв, когда плохо. У воцерковленных людей часто есть много знакомых священников, а на деле обратиться не к кому. Возможно, Вы и сами с этим сталкивались. Посоветуйте, как быть.

Отвечает Епископ Саратовский и Вольский Лонгин

Духовная жизнь как ничто другое нуждается в научении, личной преемственности, непосредственной передаче духовного опыта. Недаром святые апостолы в церковных песнопениях именуются «самовидцами Слова», то есть подчеркивается тот факт, что они своими глазами видели Господа. Наличие духовного наставника позво-

ляет человеку перенимать от него не только слово о Боге, но и опыт живой жизни в Боге.

Вы правы, когда говорите о том, что в наше время не так просто найти такого человека. Поэтому все же необходимо помнить, что руководствоваться книгами действительно можно и нужно. Внимательное, с рассуждением чтение духовной литературы много может дать человеку. Особенно назидательны такие книги, как «Душеполезные поучения» преподобного аввы Дорофея, «Слова» афонского старца Паисия, письма святителей Феофана Затворника и Игнатия (Брянчанинова). При этом совсем не обязательно читать много книг разных авторов. Даже одной книги аввы Дорофея, если попытаться руководствоваться написанным в ней, хватит очень надолго.

При этом есть одно важное правило: не доверяйте себе, не изобретайте своего «богословия». На этом погибло множество людей: прочитав пару книг, они решили, что уже все знают.

Обязательно живите христианской, церковной жизнью, поймите и полюбите богослужение, регулярно исповедуйтесь и причащайтесь. В своих молитвах к Богу просите у Него, помимо всего прочего, чтобы Он послал Вам человека, могущего принести Вам духовную пользу.

Я думаю, что Господь исполнит Ваше прошение, так как Ваши слова о том, что «на деле обращаться не к кому», не вполне справедливы. Совсем незачем искать «прозорливцев» и «старцев». Вам нужен добрый искренний пастырь, а такие, слава Богу, есть.

Я совершила тяжкий грех, который хочу исповедать. Но мне стыдно исповедать его батюшке, у которого я обычно исповедуюсь, потому что он меня знает. Не скрою: боюсь и того, что он будет ко мне более строг. Тем более, что не истек срок епитимии, которую он наложил на меня за другой грех. Если я пойду на исповедь в другой храм, это нормально? Или это будет лукавством с моей стороны и попыткой избежать настоящего покаяния?

*Отвечает игумен Нектарий (Морозов),
настоятель Архиерейского храма в честь иконы
Божией Матери «Утоли моя печали» г. Саратова*

Вы абсолютно правы: это действительно будет лукавством и попыткой избежать настоящего покаяния, а также очень большой ошибкой, вызванной малодушным, совершенно неправильным страхом. Стыд, который нам приходится переживать на исповеди, спасителен. Память о том, что вновь придется каяться в одном и том же грехе, нередко удерживает от него, или же, по крайней мере, таким образом, раз за разом исповедуясь в своих преткновениях перед одним духовником, человек начинает приобретать угодное Богу более всех иных добродетелей смирение. Во время исповеди сердце человека должно «раскрыться» для действия благодати, чтобы она действительно очистила, преобразила его. А то лукавство, та попытка что-то «спрятать», утаить от священника, у которого Вы обычно исповедуетесь, такому раскрытию помешают, у Вас останется мучительное чувство чего-то незавершенного, ощущение неполноты. Менять духовника, когда Вы видите,

что общение с ним не приносит духовной пользы, можно. Но только тогда, когда это действительно так. А по страху человеческому — не стоит.

Сейчас стало модно ходить по церквям и «выбирать» себе священника. Кто-то говорит, что это грех, но ведь не каждому откроешь душу. Или лучше совсем об этом не думать, когда идешь в церковь?

*Отвечает игумен Нектарий (Морозов),
настоятель Архиерейского храма в честь иконы
Божией Матери «Утоли моя печали» г. Саратова*

Когда человек приходит в храм, то приходит он в первую очередь к Богу, а не к кому бы то ни было еще. А что до священника... Его, конечно, не выбирают на «свой вкус», но в то же время каждый человек имеет свой душевный склад, нуждается в понимании, участии. И естественно, когда рано или поздно он находит того священника, который может ответить на его вопросы, помочь ему на пути его церковной и духовной жизни, который становится его духовником. Но руководствоваться в таком «выборе» нужно не просто человеческими симпатиями, а духовной пользой.

Я беременна, чувствую острую потребность в исповеди, но постоянно возникают какие-то препятствия. Последний раз исповедовалась три года назад, не почувствовав после этого никакого облегчения; напротив, стало еще тяжелее на душе, хотя, кажется, ничего не утаила. Появилось ощущение формальности всего происходящего, никому ненужности, и неверие в то, что вообще твои откровения

кого-либо интересуют. Что мне делать, где взять духовника, который выслушает, даст совет... или такое только в кино бывает?

*Отвечает игумен Нектарий (Морозов),
настоятель Архиерейского храма в честь иконы
Божией Матери «Утоли моя печали» г. Саратова*

Очень хорошо, что Вы ощущаете острую потребность в покаянии, не удовлетворены собой,— значит, Ваша душа жива, хотя и не насыщена той духовной пищей, в которой нуждается. Однако, к сожалению, многое для Вас в христианстве и в Церкви, видимо, еще не понятно, от чего и приходится пробираться словно сквозь дремучий лес.

В своей повседневной жизни современный человек (пусть верующий, но по-настоящему не воцерковленный), к сожалению, бывает очень удален от Бога. Удален тем, что не живет по евангельским заповедям, редко приступает к Таинствам, в которых нам подается Божественная благодать, просто забывает о Боге и действует и поступает так, словно Его нет. И конечно, когда из среды этой удаленности от Бога он хочет «вдруг» приблизиться к Нему, то бывает это совсем не просто, и какие только препятствия не возникают. Виновата ли в этом Церковь или люди, которые в ней «работают»? Вряд ли. Если человек приходит на исповедь раз в несколько лет и к тому же в праздничный или воскресный день, когда в храме много народа и едва ли не каждый готовится к Причастию, то, конечно, исповедоваться как следует, обстоятельно, побеседовать со священником, задать вопросы он, скорее всего, не сможет. А если ходит в храм регулярно, регуляр-

но же исповедуется, причем не только по воскресеньям, то и не будет постоянно растущего кома грехов, и возможность более полноценного общения со священником представится.

«Где взять духовника...» А Вам не кажется, что даже в самой формулировке вопроса заключена огромная неправильность? Что значит «взять»? Ведь нет какой-то «ярмарки духовников», куда можно прийти и выбрать того, кто больше подойдет. Вы ждете ребенка,— значит, Вы замужем. Как Вы поженились со своим супругом? Наверное, какое-то время ушло на то, чтобы познакомиться, потом Вы встречались, узнавали друг друга и постепенно поняли, что это — человек, с которым Вы проживете всю жизнь и будете счастливы. Так или примерно так. Подобным образом складываются отношения и со священником, который становится впоследствии духовником человека: сначала человек исповедуется у одного, у другого батюшки... Потом видит, что советы, ответы кого-то из них приносят наибольшую пользу, разрешают недоумения, душа располагается к их принятию, доверию. Человек чувствует, что священник относится к нему ответственно, внимательно, и сам он в ответ готов проявлять необходимое послушание.

Поймите, что церковную жизнь нельзя понять, узнать «со стороны». Ею надо жить, но не от случая к случаю, а постоянно. Тогда она станет Вашей и Вы поймете, что Церковь не «институт», а Тело Христово, и «чего-то особенного» в ней мы ожидаем не от людей, но от Бога. Только для того, чтобы это особенное проявилось и в нашей судьбе, нужно что-то от нас самих. А именно — вера и жизнь, с ней сообразная.

Вот уже больше года хожу в храм каждую субботу и воскресенье и каждую неделю исповедуюсь; понимаю, что это очень важно. Но возникло чувство неуверенности в себе и в том, что я делаю (я имею в виду жизнь вне Церкви, то есть работу, учебу, семью, друзей и дела). Прежде чем что-то начать делать, я начинаю думать о том, полезно ли это для души и какие будут последствия; что надо бы спросить у своего батюшки благословение. И я стала замечать, что очень много мечтаю, а до дела не доходит. Но спросить я не решаюсь: ведь батюшка же не может решать за меня, как мне жить. И с другой стороны, нельзя же духовнику рассказывать о себе буквально все (а не только согрешения и, возможно, некоторые помыслы). Существует ли какая-то грань, признак, когда я действую сама, а когда иду за благословением?

*Отвечает игумен Нектарий (Морозов),
настоятель Архиерейского храма в честь иконы
Божией Матери «Утоли моя печали» г. Саратова*

Вы правы, частая исповедь очень полезна для правильной духовной жизни человека. Не только полезна, но и решительно необходима. Частое испытание совести, бескомпромиссный «суд» над собой, понуждение к тому, чтобы видеть и исправлять свои недостатки, покаянное припадание к Богу в сознании своего недостойнства и непотребности для Царствия Небесного — мощные двигатели на пути нравственного изменения человека.

Совершенно верно, что прежде чем сделать что-либо, Вы задумываетесь, полезно ли это для

души, угодно ли это Богу. Это правило, по сути, должно быть обязательным для любого верующего человека. Но понятно и Ваше недоумение. Дело в том, что враг стремится причинить человеку вред очень многообразными способами. В первую очередь он пытается увлечь христианина к жизни невнимательной, рассеянной, при которой грехи не только удобно совершаются, но и зачастую остаются самым согрешающим незамеченными. Если врагу это не удастся, то нередко он использует другой образ действия. Например, искушает человека «мелочностью»: обращает его внимание на множество второстепенных деталей, не то чтобы совершенно не важных, но отнюдь не тех, которыми стоило бы заниматься в первую очередь. И от обилия возникающих у него вопросов верующий просто теряется, как теряется путник, оказавшийся без карты и компаса в дремучем лесу. А если со всеми этими вопросами он начинает обращаться к священнику, то добра из этого тоже не выходит: священник просто оказывается вовлеченным в то же искушение, что и пришедший к нему, и ему приходится либо погружаться с ним во множество мелочей, теряя таким образом драгоценное время, либо отсылать его ни с чем.

Существует очень верный принцип, сформулированный святителем Игнатием (Брянчаниновым) в одном из его писем, в котором он отвечает на вопрос об исповеди. Святитель говорит о том, что начинать в деле покаяния нужно с грехов крупных, а потом переходить к более мелким. Иначе можно, по действию вражью «закопавшись»

в незначительном, до видения и исповедания серьезных прегрешений так и не дойти. Он приводит в пример захлавленную комнату, говоря о том, что при уборке из нее необходимо сначала вынести крупный мусор, а уже затем выметать мелкий сор и пыль. Так же и в отношении души.

Мне кажется, что такое отношение уместно и в Вашем случае. Если человек в тех ситуациях, когда воля Божия, выраженная в Евангелии, совершенно ясна (а подобных ситуаций — большинство), поступает сообразно с этой волей, то Господь постепенно умудряет его и «утончает» его духовное зрение, помогая более чутко отличать доброе от худого. И напротив, если христианин пренебрегает прямыми обличениями совести в очевидных случаях, то в душе у него всегда будет царить сумбур: чего ради просвещать того, кто не пользуется и тем, что знает? Если только к большему осуждению...

Но вообще, я думаю, Вам нужно было бы поговорить обо всем этом со священником, у которого Вы регулярно исповедуетесь. Он знает Вас и лучше мог бы понять, что происходит в Вашей душе.

У меня есть духовный отец. Я часто согрешала против него тем, что осуждала и даже обсуждала его действия с другими. Несколько раз я раскаивалась в этом, но опять впадала в осуждение. И вот, я снова согрешила, но батюшка об этом вряд ли знает. Теперь я глубоко раскаиваюсь. Духовный отец стал редко со мной разговаривать, я сильно скорблю,

не знаю, можно ли вернуть его прежнее отношение ко мне? Сможет ли Бог меня простить еще раз и все вернуть?

*Отвечает игумен Нектарий (Морозов),
настоятель Архиепископского храма в честь иконы
Божией Матери «Утоли моя печали» г. Саратова*

После осуждения духовника, даже «справедливого», всегда остается тяжесть на душе, чувство вины и собственной неправоты. Поэтому постарайтесь никогда больше этого не делать, зная еще и то, что подобное обсуждение его с кем бы то ни было никогда не принесет пользы. Единственное, что, пожалуй, оправдано, — это, поняв, что отношения действительно зашли в тупик, и сам духовник не может вывести их из этого кризисного состояния, поскольку взаимопонимание утрачено, объяснить ситуацию кому-то, к кому Вы имеете духовное доверие, а лучше священнику. Объяснить и попросить совета.

И не старайтесь во что бы то ни стало «вернуть прежнее отношение» духовника к Вам. Не это главное. Человеческие отношения, к сожалению, хрупкая вещь. Иногда, казалось бы, все уже исправлено, что надо было исправить, а отношения не восстанавливаются. Важнее всего другое — искреннее покаяние перед Богом и решимость исправиться ради того, чтобы быть верной — в первую очередь, конечно же, Богу, а не человеку.

Духовник — тот, кто помогает на пути к Богу, на пути ко спасению, помогает научиться жить «единым на потребу». И пока это желание — у духовника помогать, а у человека учиться — присутствует, добрые отношения обязательно будут сохраняться, поскольку будет сохраняться

и единство в самом главном. А разрушается это единство, как правило, тогда, когда место стремления ко спасению занимает стремление к «человеческим отношениям», когда духовник начинает восприниматься просто как близкий, дорогой человек. Это, к сожалению, нередкая ошибка приходящих сегодня в храм людей. Лучше всего ее не совершать. А если она допущена, постараться исправить.

У меня стали появляться навязчивые мысли о духовнике. В моей жизни он появился не так давно (всего лишь полгода). Но есть видимые сдвиги, до этого я года два «буксовала» на месте. Его советы очень ценны для меня, приходя на исповедь или на беседу к нему, я ищу прежде всего дорогу ко Христу. Но стала замечать, что возникает некая душевная привязанность к духовнику, в основе которой лежат эмоции. Кроме того, иногда появляется ревность к другим прихожанам. При этом сама себе трезво отдаю отчет, что это абсолютный бред и мне нет никакого дела, кому сколько времени он посвятил и что кому сказал. Какова природа этих помыслов? Является ли это просто искушением? Достаточно ли просто исповедовать эти мысли или необходимо менять столь родной для меня приход?

*Отвечает игумен Нектарий (Морозов),
настоятель Архидиоцессии храма в честь иконы
Божией Матери «Утоли моя печали» г. Саратов*

Враг, к сожалению, ни в коей мере не ограничивает себя в способах, посредством которых

ведет свою борьбу против человеческой души. Ничто доброе и по-настоящему полезное для нас в духовном отношении ему не угодно. Известно, что особенно старается он разрушить те отношения, которые складываются между верующим человеком и его духовником. Иногда влагает мысли, осуждающие его, дает «особое зрение» (как под увеличительным стеклом) его недостатков. Иногда возбуждает нестерпимое желание «жить по-своему», не связывая себя советами и наставлениями духовника. А иногда, как в Вашем случае, пытается насадить и укрепить в душе пристрастие к нему. Поэтому, понимая, что испытываемое вами есть действие вражье, не торопитесь принимать решение. Насколько можно понять, Вы ведь и сами вполне трезво оцениваете собственные переживания, понимаете их характер. Если Вы по-настоящему доверяете своему духовнику, скажите о своем искушении на исповеди и посоветуйтесь с ним, как быть.

Впрочем, если со временем Вы увидите, что, несмотря ни на что, искушение преодолеть не удастся, что оно побеждает и захватывает Вас, тогда лучше будет уйти, потому что вместо пользы получится один вред. Но тоже лучше сделать это с советом.

Вообще с подобной немощью надо бороться, как и с любой другой. Нужно быть честным с собой и вместе с тем – строгим к себе, не слушаться голоса своих страстей и ни в коем случае не оправдывать их. И открывать при этом свою неискренность Богу, прося, чтобы Он, как лишь Ему это возможно, врачевал ее.

На православном форуме мне иногда отвечают: «По этому вопросу у православных священников нет единой позиции, посоветуйтесь с своим духовником». Но мой духовник умер несколько лет назад. В одном и том же храме служат несколько иереев, у которых наверняка разная позиция. Как быть в данном случае?

*Отвечает игумен Нектарий (Морозов),
настоятель Архиерейского храма в честь иконы
Божией Матери «Утоли моя печали» г. Саратова*

Потеря духовника – всегда нелегкое испытание для верующего человека. Но жизнь продолжается, и она действительно ставит перед нами новые вопросы, от правильного ответа на которые зависит очень многое. И, наверное, неправильно было бы пытаться разрешить их исключительно посредством обсуждения на различных православных форумах. В любом случае необходимо постараться выбрать для себя какой-то один храм и по возможности – одного священника, у которого бы Вы постоянно исповедовались. И он, зная Вас, Вашу жизнь, происходящее у Вас в душе, мог бы отвечать на возникающие у Вас вопросы не «абстрактно», а лично Вам, видя перед собой совершенно конкретного человека.

У кого исповедуются священники и делают ли они это перед каждой литургией, которую служат, или нет?

*Отвечает игумен Нектарий (Морозов),
настоятель Архиерейского храма в честь иконы
Божией Матери «Утоли моя печали» г. Саратова*

Исповедоваться священник, как и любой другой православный христианин, может у иного свя-

щенника, своего духовника или же просто собрата и сослужителя. Поскольку жизнь клирика вся проходит в служении литургии, то такого твердого правила, как для мирян, в отношении обязательной исповеди перед Причащением Святых Христовых Таин для него нет. Священник сам определяет ту периодичность, с которой ему необходимо подходить к Таинству Исповеди, у всех внутренняя потребность в этом очень различна. Для примера можно сказать, что духовник братии Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Кирилл (Павлов), как правило, исповедовался практически перед каждой литургией, которую ему приходилось служить. Подобно тому и известный Глинский старец схимандрит Андроник (Лукаш) говорил о том, что пастырям, которые призывают к покаянию других, нужно чаще каяться самим, иначе они будут учить людей тому, чего не делают сами.

Можно ли исповедоваться по Интернету на православном сайте?

*Отвечает священник Михаил Воробьев, настоятель
храма в честь Воздвижения Честного
Животворящего Креста Господня г. Вольска*

Таинство исповеди синэргийно по своей природе. Оно осуществляется в результате совместного действия двух сил: Божественной благодати и человеческой воли. Прощение грехов невозможно без глубокого, искреннего осуждения своих греховных поступков, неправильных чувств и желаний. Русское слово «покаяние» раскрывает глубину такого самоосуждения, ведь покаяние – это отождествление себя с Каином, первым человекоубийцей, первым, а потому и

наиболее виновным преступником. На греческом языке таинство покаяния обозначается словом «метанойя», означающим перемену ума, воли, всего человеческого существа. Кающийся грешник хочет освободиться от своего греха. Он хочет в буквальном смысле стать другим человеком, он хочет отрешиться от своего прошлого, отбросить его от себя, относиться к своему прошлому как к чужому. Исповедь — это не просто перечисление совершенных грехов, а, в первую очередь, молитва о даровании духовных сил для борьбы с искушениями, находящими отклик в сердце.

Одно из самых опасных проявлений греховности состоит в сознательном или неосознанном самооправдании. Исповедь не приносит пользы, если человек, сознательно или подсознательно, оправдывает свой грех какими-то обстоятельствами, обвиняет других людей, жалеет себя, хочет выглядеть в глазах священника лучше, чем он есть на самом деле.

Именно поэтому таинство исповеди совершается только в диалоге грешника и священника. Искренность покаяния подтверждается готовностью рассказать все о себе, полностью раскрыть свое сердце. Очень важна при этом совместная молитва кающегося и духовника. Именно поэтому заочная исповедь по Интернету или по почте, или каким-то другим «дистанционным» способом невозможна. Даже если человек желает раскаяться перед лицом стремительно надвигающейся смерти, а рядом нет священника, свидетелем его покаяния должен стать другой человек.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Архимандрит Алексей Поликарпов. Прежде всего нужно быть сыном или дочерью Церкви	5
Епископ Саратовский и Вольский Лонгин. Дать возможность действовать Богу	19
Зачем нужен духовник? Наш опрос.....	30
Архиепископ Йошкар-Олинский и Марийский Иоанн. Под крыльями птицы	45
Инокня Наталия (Аксаментова). Не власть, а бережность и деликатность	54
Вопросы и ответы	60

БИБЛИОТЕКА
«ПРАВОСЛАВИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ»
ЗАЧЕМ НУЖЕН ДУХОВНИК?

Оформление обложки *Таисии Абулоакер*
Технический редактор *София Шкляр*
Корректор *монахиня Евфросиния (Морозова)*
Компьютерная верстка *Михаила и Елены Ежовых*

Подписано в печать 23.03.09. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Baskerville». Печать офсетная.
Объем 2,5 печ. л. Тираж 10 000 экз. Заказ № .

Издательство Саратовской епархии
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 55

Отпечатано в «ОАО Типография «Новости»»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46